

УДК 340.15

DOI 10.36511/2078-5356-2020-1-21-27

Фоминская Марина Дмитриевна
Marina D. Fominskaya

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Ставропольский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права (355035, Ставрополь, ул. Голенева, 36)

candidate of sciences (law), associate professor, professor of the department of theory and history of state and law

Stavropol institute of cooperation of the Belgorod university of cooperation, economics and law (36 Goleneva st., Stavropol, Russian Federation, 355035)

E-mail: fominskaya@inbox.ru

Достоинство личности как правовая ценность: история и современность

Dignity of a person as a legal value: history and modernity

В статье рассматриваются правовые, исторические, философские, культурные и религиозные аспекты достоинства личности как наиболее важной и значимой юридической категории. Автор использует методы историко-правового, сравнительно-правового, социокультурного анализа современного права с целью выявления роли и значения этой юридической категории в праве самых разных государств, а также в международном праве. В результате исследования сделан вывод о том, что национальная идея России и ценность достоинства личности представляют собой реализацию общего духовно-нравственного христианского принципа «любви к ближнему».

Ключевые слова: достоинство личности, правовые ценности, антропология права, права человека.

The article discusses the legal, historical, philosophical, cultural and religious aspects of the dignity of the individual as the most important and significant legal category. The author uses the methods of historical legal, comparative legal, sociocultural analysis of modern law in order to identify the role and significance of this legal category in the law of various states, as well as in international law. As a result of the study, it was concluded that the national idea of Russia and the value of personal dignity represent the realization of the general spiritual and moral Christian principle of “love for one’s neighbor”.

Keywords: dignity of a person, legal values, anthropology of law, human rights.

В последнее время в научной российской и зарубежной литературе наблюдается всплеск интереса к категориям «достоинство личности», «права человека», «уважение к человеку» и др. [1—5]. Вызвано это тем, на наш взгляд, что цивилизованное человечество «предчувствует» весьма серьезные вызовы и угрозы человеческому достоинству в связи с достижениями научно-технического прогресса. Об этом говорит все большее количество исследователей трансформации правопонимания и правосознания в условиях цифровизации права и государства [6].

Дело в том, что дегуманизация права, тренд которой возник еще на заре эпохи расцвета юридического позитивизма и о котором писал

П.И. Новгородцев в своем знаменитом философско-правовом трактате о кризисе современного правосознания [7], где мыслитель актуализировал поворот к естественному праву в силу нравственной необходимости возрождения правового идеализма, усугубляет технократические дефекты индустриального общества во много раз. Обезличенная и оцифрованная личность теряет последние характеристики человеческого достоинства. Об этом пишут различные авторы: «в цифровизации права и государства действовать необходимо крайне осторожно, без спешки и скоропалительных решений, так как цифровизация может привести к таким последствиям, о которых давно слышны апокалиптические»

© Фоминская М.Д., 2020

ские прогнозы: цифровой тоталитаризм может стать концом цивилизации, а не его очередной ступенью» [8]. Цифровизация государственного управления неизбежно предполагает оцифровку персональных данных каждого человека и замену его имени цифровым кодом. Доктрина трансгуманизма предполагает появление нового человека и человечества, связанного цифровой сетью. Антропоморфные роботы заменяют человека уже не только в деловых коммуникациях, но и в интимных отношениях, что находится далеко за гранью расчеловечивания человечества [9].

Согласно статье 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [10]. Статья 18 Конституции РФ имеет фактически тот же смысл: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [10]. В статье 21 Конституции РФ защищается непосредственно достоинство личности: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Как видим достоинство личности прямо, как в статье 21, и косвенно (ст. 2, 18) признается высшей правовой ценностью, ради которой существует и государство, и закон, и правосудие.

Следует учесть и мировоззренческо-идеологический кризис современного права в России, где произошел отказ от марксизма-ленинизма в качестве государственной идеологии, но новой предложено не было, следовательно, признание достоинства личности в качестве высшей ценности, на защиту которой направлен весь конституционный строй государства, «повисает в воздухе», так как нет обосновывающей данную абсолютную ценность идеи. У некоторых авторов вызывает тревогу то обстоятельство, что достоинство личности постепенно уступает в качестве национальной идеи другой ценности, ценности — Отечества, «служения Отечеству» и т. д. Вот что об этом пишет известный правовед В.В. Невинский: «Известно, что российские юристы, рассматривающие достоинство человека как высшую общественную ценность, предлагают в качестве такой идеи обеспечение достоинства человека. К сожалению, такой подход к сущности и роли достоинства человека не получает широкого развития. Это можно ви-

деть на примере предложений Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации проекта концепции «национальной идеи» в 2013 году. Лейтмотив концепции — «жить по совести», «жить во благо Отечества». «Предполагается, что жить по совести и во благо Отечества - это думать о себе как о части нации»; «служение Отечеству — высший ориентир для гражданина»... Судя по всему, идея обеспечения достоинства человека как базовое начало для упрочения духовности и демократической правовой государственности здесь не просматривается» [2].

Представляется, что обеспечение достоинства личности в качестве общенациональной идеи для российского государства не должно конфликтовать с идеей служения Отечеству. Безусловно, патриотические ценности важны для выживания государства, но еще более важны они и для каждого человека, осознающего в качестве своего долга — служение ближним, которые и представляют собой Отечество. Поэтому понятия «достоинство личности», «человеческое достоинство», «достоинство людей» и другие встречаются в конституциях самых разных государств, невзирая на религиозные и культурные традиции и конфигурации ценностей индивидуального или коллективистского характера.

В законодательстве современных государств, претендующих на определенный статус в мировом сообществе и не желающих дистанцироваться от других стран в сторону варварства и дикости, присутствует принцип уважения к человеку или достоинства личности, что не может не привлекать внимание исследователей с точки зрения цивилизационной самобытности в толковании этого принципа.

Внешне с формальной или технико-юридической точки зрения нет глубинных различий в закреплении данного принципа права в конституциях разных стран. Однако имеются и некоторые особенности, вызванные, как представляется, социокультурным контекстом правового мышления юристов и законодателей разных стран. К примеру, в настоящее время в Конституции Арабской Республики Египет категория «достоинство личности», «человеческое достоинство» и другие связанные с уважением личности, правовым гуманизмом понятия упоминаются более десяти раз. Такое «обилие» гарантий достоинству личности встречается именно в основном законе Египта, что связано с позицией властей, не желающих отставать от цивилизованного человечества в правовом раз-

вити. За каждым человеком признается право на свободу, человеческое достоинство и социальную справедливость согласно этому документу. Более того, достоинство личности рассматривается как естественное право каждого человека, которое защищает государство, уважает и гарантирует [11, с. 70—91].

В Конституции Алжирской народной демократической Республики в статье 34 постулируется защита достоинства личности от любой формы физического или морального насилия либо покушения [11, с. 33]. В основном законе Ливии государство поддерживает признание достоинства личности как божественного творения [11, с. 135—136]. Следует признать, что это редкий случай идентификации понятия «достоинство личности» с позиций теологической концепции государства.

Следует обратить внимание на то, что в исламских государствах, основанных на шариате, также гарантируется и декларируется право каждого человека на защиту достоинства и его личности. Так, например, в Исламской Республике Мавритания свобода, равенство и достоинства человека являются важнейшими категориями общества, построенного «на основе принципов ислама» [11, с. 150]. В Конституции Исламской Республики Мавритания дополнительно указывается на то, что никого нельзя обращать в рабство, подвергать пыткам, обращаться с бесчеловечной жестокостью [11, с. 150].

В законодательстве некоторых стран достоинство человека определяется в числе принципов права, причем в контексте солидаристской теории права и государства. В Королевстве Марокко отмечается уважение достоинства всех и каждого, декларируется солидарное общество, единство прав и обязанностей граждан [11, с. 179]. В Конституции Марокко провозглашается принцип неприкосновенности человеческого достоинства, запрещается жестокое обращение, его умоляющее или унижающее. Важно, что документом определены полномочия Национального совета по правам человека, который как институт государства призван контролировать строгое соблюдение национальных и международных нормативных актов.

В Конституции Сахарской Арабской Демократической Республики достоинство человека связано с признанием необходимости в обществе, где господствует право, условий для сохранения религиозных национальных культурных ценностей: «свобода и достоинство человека могут существовать только в обществе, где

господствует право и создаются условия для социального развития на базе ценностей, принятых в обществе, а также цивилизационного своеобразия, особенностей религии и национальной культуры, соотнося их с требованиями современного мира» [11, с. 229]. Следует обратить внимание на такое бережное отношение к своим правовым традициям, несмотря на признание правового гуманизма в качестве идеологии права и государства.

Достоинство всех и, что важно, достоинство народа защищается в Переходной Конституции Республики Южного Судана. В этом государстве отдельно гарантируется достоинство личности с особыми потребностями: «Государство гарантирует лицам с особыми потребностями осуществление всех прав и свобод, изложенных в настоящей Конституции, особенно уважение их человеческого достоинства, доступ к подходящему образованию, занятости и полному участию в жизни общества» [11, с. 269]. Важно также отметить, что в основном законе этого государства обеспечение достоинства личности связано со справедливым распределением материальных благ: «Ресурсы и национальное богатство Судана должны справедливо распределяться в таком порядке, который предоставит каждому уровню управления возможность выполнять свои законные и конституционные обязанности и обязательства и обеспечит поддержку уровня жизни, достоинства и условий жизни всех граждан вне зависимости от пола, расы, религии, политических убеждений, национальности, языка и региона проживания» [11, с. 317].

В Конституции Республики Ангола защищается достоинство человека и признается свобода, справедливость и порядок, которые составляют основу девиза тунисской республики. Защита человеческого достоинства объявлена наряду с уважением к национально-правовым традициям и обычаям: «Признание институтов традиционной власти обязывает частные и публичные формирования уважать наряду с ними обычные нормы и ценности, соблюдаемые в лоне традиционных политико-общинных организаций, которые не вступают вразрез с Конституцией и с достоинством человеческой личности» [11, с. 566—567].

Таким образом, несмотря на коллективистский характер исламского права и государства, даже в странах этой конфессии, основанных на шариате, признается достоинство личности, так что либерально-индивидуалистическая поляризация достоинства личности и общего

блага является ошибочной. Следует здесь указать и на то, что данная категория составляет ядро важнейших международных правовых актов. Устав ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) еще 16 ноября 1945 года рекомендовал правительствам и народам различных стран «для поддержания человеческого достоинства осуществлять широкое распространение культуры и образования среди всех людей на основе справедливости, свободы и мира» [12]. Преамбула Всеобщей декларации прав человека начинается со слов: «Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...» [13]. Права человека, как отмечается в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, признаются следствием уважения к человеческому достоинству: «равные и неотъемлемые права» человека «вытекают из присущего человеческой личности достоинства» (преамбула) [14].

Каждое юридическое понятие интерпретируется с учетом культурного контекста. Как подчеркивает А.И. Овчинников, юридическая герменевтика в некотором смысле определяет консервативное восприятие права, обосновывая неизбежность влияния этнокультурных традиций на правопонимание [15]. Доктрина прав человека должна разрабатываться с учетом национальных архетипов и этнокультурных представлений о соотношении человека и общества. В России эти представления обусловлены многовековой традицией православной веры, в системе ценностей которой отсутствует верховенство человека по отношению к обществу, как и преобладание коллектива над личностью. Для адекватного конституционно-правового развития, правотворчества, необходимо принимать во внимание социокультурный контекст формирования понятий, историко-культурные основания правовых институтов и категорий, особенно с религиозных, духовно-нравственных позиций. Именно на это обращал внимание Монтескье в своем знаменитом трактате «О духе законов» [16].

В таком многослойном государстве, как Россия концепция прав человека, построенная на этнокультурном контексте их понимания, обеспечит стабильность и правопорядок, приемственность и безопасность. Между тем мы наблюдаем постоянные попытки органов государственной власти заимствовать западные модели правовой политики в различных от-

раслях права и прав человека, игнорирующие национальные традиции. В качестве примера можно привести сферу семейных отношений, в частности, ювенальные технологии [17]. Сейчас российское общество активно обсуждает еще одну новеллу, игнорирующую национально-культурные особенности России, — сферу профилактики домашнего насилия. Новый законопроект пытается произвести небольшую революцию в семейно-бытовой жизни россиян, невзирая на то, что понятие «насилие» может интерпретироваться в контексте этноконфессионального правосознания в единстве с понятием «достоинство личности» весьма разнообразно в поликонфессиональном и полиэтническом российском социуме.

Важность национальной интерпретации, смыслопостроения концепции прав человека с учетом этноправовых традиций значим для легитимности права в современном российском государстве [18].

Правовая политика государства должна отражать национально-культурную самобытность отечественного правосознания и основываться на традиционной национальной ценностно-нормативной системе — с этим согласны большинство исследователей. Русское национальное правосознание и правовая культура традиционно, как отмечал еще П.И. Новгородцев, «выражает себя в вечном стремлении к чему-то высшему, чем право и государство», в нем проблематика естественных прав и свобод является вторичной, не центральной, структурообразующей идеей [19].

Концепция достоинства личности и прав человека в данном контексте может рассматриваться в качестве самостоятельного элемента национальной правовой системы. Именно она тесно связана с иными другими доктринами (религиозными, духовно-нравственными, социально-политическими), выступающими значимыми источниками современного российского права, так как идея прав человека, как и идея достоинства личности, обусловлена философско-антропологическими взглядами на право. Права и свободы человека, духовно-нравственные основы права в строгом формально-юридическом значении выступают в качестве метаюридических (идейно-концептуальных) основ развития правовой системы общества [20].

Идея достоинства личности может вполне органично сочетаться с русской национальной идеей соборности — в этом наше глубокое убеждение. Дело в том, что достоинство личности в качестве абсолютной ценности, независимо от

того, идет ли речь об иудее, эллине или русском человеке, имеет христианское происхождение, возникло на основе христианской культуры и мировоззрения, истины и благовестия о том, что «человек есть образ Божий»: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему (Быт. 1:26)». Наша русская национальная идея представляет собой именно христианскую идею. Языческому миру достоинство личности вне зависимости от имущественного положения, пола или расы было неведомо. Здесь нельзя полностью согласиться с В.В. Невинским, утверждающим: «Идея достоинства человека как особая критериальная общественная ценность зародилась в античном мире. Она зародилась там и тогда, где и когда человек стал осмысливать собственное бытие в природе и в среде себе подобных существ» [2]. Только христианство принесло в мир известие о том, что для Бога все равнозначны: «А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» [21].

Русская национальная идея возникла и развивалась в границах православного мироощущения, мировоззрения, миропонимания. Вот как описывает русскую идею один из ее толкователей И.А. Ильин: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. ... Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Главное в жизни есть любовь, и именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства: она отозвалась сердцем на Божие благовестие, на главную заповедь Божию и уверовала, что “Бог есть Любовь”... В этом корень русской идеи. В этом ее творческая сила на века» [22].

Как видим, в основе идеи достоинства личности, в основе русской национальной идеи лежит одна и та же христианская ценность «любви к ближнему». Без этой любви никакое достоинство само по себе у каждого появиться не может, особенно в наше технократичное, ценностно-релятивистское время. Поэтому в постсекулярном мире можно смело говорить

о необходимости реанимации национальной идеи русского народа в единстве с обеспечением и защитой достоинства личности как высшей правовой ценности.

Примечания

1. Васильева Т.А. Концепция достоинства личности в доктрине и практике органов конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 3—8.
2. Невинский В.В. Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 48—54.
3. Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19—31.
4. Крылатова И.Ю. Отдельные аспекты достоинства личности через призму реализации стратегии национального развития России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 32—34.
5. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. B.: Suhrkamp, 2011 / пер. А.Ю. Шачиной, С.В. Шачина // Кантовский сборник. 2012. № 1 (39). С. 91—100.
6. Овчинников А.И., Ахрамеева О.В., Воронцов С.А., Кожокарь И.П., Кравченко А.Г., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Шатковская Т.В. Цифровая безопасность личности, общества и государства в условиях глобализации: юридические механизмы обеспечения. Обзор материалов сессии в рамках ПМЮФ 2019 г. // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 2.
7. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: С.-Петербург. ун-т. Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности, 2000. 347 с.
8. Овчинников А.И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257—261.
9. Баранов П.П., Овчинников А.И. Право в современном меняющемся мире (по материалам круглого стола с международным участием, Ростов-на-Дону, 28 марта 2019 г.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 169—174.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2020).
11. Конституции государств Африки и Океании: сборник. Том 1. Северная и Центральная Африка / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. 944 с.
12. Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры от 16 ноя-

бря 1945 г. (с поправками). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900831> (дата обращения: 10.02.2020).

13. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 декабря.

14. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

15. Овчинников А.И. Юридическая герменевтика и цивилизационный (социокультурный) подход к праву: правовая традиция как контекст интерпретации и познание права // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 213—219.

16. Монтескье Ш. О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. / пер. с франц.; под ред. А.Г. Горнфельда, со вступ. ст. М.М. Ковалевского. Санкт-Петербург: Л.Ф. Пантелеев, 1900. 787 с. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/436/pages/1> (дата обращения: 15.02.2020).

17. Овчинников А.И. Новеллы ювенальной юстиции в контексте идеологии глобализма и неолиберализма // Юридический мир. 2011. № 2. С. 26—30.

18. Баранов В.М., Овчинников А.И. Этнокультурная экспертиза в правотворческом процессе // Государство и право. 2011. № 6. С. 28—33.

19. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Русская философия права. Антология. СПб.: Алетейя, 1999. С. 229—246.

20. Овчинников А.И. Духовно-нравственная легитимация права: мировоззренческий контекст // Философия права. 2013. № 1 (56). С. 12—17.

21. Послание к Колоссянам святого апостола Павла. URL: https://days.pravoslavie.ru/bible/z_kol_3_4_11.html (дата обращения: 10.01.2020).

22. Ильин И.А. О русской идее. URL: <https://pravoslavie.ru/367.html> (дата обращения: 10.01.2020).

References

1. Vasilieva T.A. The concept of personal dignity in the doctrine and practice of bodies of constitutional control. *Constitutional and municipal law*, 2018, no. 10, pp. 3—8. (In Russ.)

2. Nevinsky V.V. The Constitution of the Russian Federation and human dignity (memory of the future). *Constitutional and municipal law*, 2013, no. 11, pp. 48—54. (In Russ.)

3. Bondar' N.S. The constitutional category of personal dignity in value measurement: theory and judicial practice. *Constitutional and municipal law*, 2017, no. 4, pp. 19—31. (In Russ.)

4. Krylatova I.Yu. Some aspects of personal dignity through the prism of the implementation of the national

development strategy of Russia. *Constitutional and municipal law*, 2016, no. 9, pp. 32—34. (In Russ.)

5. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. B.: Suhrkamp, 2011 / transl. by A.Yu. Shachina, S.V. Shachina. *Kantovsky collection*, 2012, no. 1 (39), pp. 91—100.

6. Ovchinnikov A.I., Akhrameeva O.V., Vorontsov S.A., Kozhokar I.P., Kravchenko A.G., Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu., Shatkovskaya T.V. Digital security of the individual, society and the state in the context of globalization: legal support mechanisms. Review of the materials of the session in the framework of SPBILF 2019. *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 2019, vol. 6, no. 2. (In Russ.)

7. Novgorodtsev P.I. Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern justice. St. Petersburg: St. Petersburg un-t Acad. law, economics and life safety, 2000. 347 p. (In Russ.)

8. Ovchinnikov A.I. Risks in the processes of digitalization of law. *Legal Technology*, 2019, no. 13, pp. 257—261. (In Russ.)

9. Baranov P.P., Ovchinnikov A.I. Law in a changing world today (based on the materials of the round table with international participation, Rostov-on-Don, March 28, 2019). *North Caucasian Legal Gazette*, 2019, no. 2, pp. 169—174. (In Russ.)

10. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993). *Official Internet portal of legal information*. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 08/01/2014 (accessed 10.02.2020). (In Russ.)

11. The Constitution of the States of Africa and Oceania: a compendium. Volume 1. North and Central Africa / ed. T.Ya. Khabrieva. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., 2018. 944 p. (In Russ.)

12. The Charter of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization of 11.16.1945 (as amended). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900831> (accessed 10.02.2020). (In Russ.)

13. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948). *Rossiyskaya gazeta*, 1998, December 10. (In Russ.)

14. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 1994, no. 12. (In Russ.)

15. Ovchinnikov A.I. Legal hermeneutics and civilizational (sociocultural) approach to law: legal tradition as a context of interpretation and knowledge of law. *Legal technique*, 2016, no. 10, pp. 213—219. (In Russ.)

16. Montesquieu S. On the spirit of laws, or On the relationship in which laws should be to the device of each government, to mores, climate, religion, trade, etc. / transl. from French, ed. by A.G. Gornfeld, with an introductory art. by M.M. Kovalevsky. St. Peters-

burg: L.F. Pantelev Publ., 1900. 787 p. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/436/pages/1> (accessed 15.02.2020). (In Russ.)

17. Ovchinnikov A.I. Novels of juvenile justice in the context of the ideology of globalism and neoliberalism. *Legal World*, 2011, no. 2, pp. 26—30. (In Russ.)

18. Baranov V.M., Ovchinnikov A.I. Ethnocultural examination in the law-making process. *State and Law*, 2011, no. 6, pp. 28—33. (In Russ.)

19. Novgorodtsev P.I. On the peculiar elements of Russian philosophy of law. *Russian Philosophy of*

Law. Anthology. St. Petersburg: Aletheya Publ., 1999. Pp. 229—246. (In Russ.)

20. Ovchinnikov A.I. Spiritual and moral legitimation of law: a worldview context. *Philosophy of Law*, 2013, no. 1 (56), pp. 12—17. (In Russ.)

21. The Epistle to the Colossians of the Holy Apostle Paul. URL: https://days.pravoslavie.ru/bible/z_kol_3_4_11.html (accessed 10.01.2020). (In Russ.)

22. Ilyin I.A. About the Russian idea. URL: <https://pravoslavie.ru/367.html> (accessed 10.01.2020). (In Russ.)